

Пушкин А.С.

ПУШКИН НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Правда - 1993 - 10 июня

«Дикость должна исчезнуть»

шениникова давало замечательный материал для статьи-дополнения к «Истории Петра», иллюстрирующей его завоевательную и торговую политику на востоке России.

Но было бы односторонностью соединять замысел камчатской статьи только с «Историей Петра». Публицистическая проза Пушкина сопрягается с широким фоном всего XVIII столетия, с его «жестоким веком» и, более того, с ходом всей мировой истории. В первом ряду его энциклопедических размышлений о цивилизации стояли деление общества на классы, проблемы рабства и религии. Статья о цивилизации осталась ненаписанной, но все, что творил Пушкин после 1833—1834 годов, в той или иной мере отразило ее генеральные направления. Они коснулись и камчатской статьи.

Известный интерес Пушкина к русскому казачеству, к его вождям здесь сосредоточен на личности камчатского землепроходца Владимира Атласова. Вместе с Крашениниковым он воздает должное мужеству сибирских казаков, преодолевших неимоверные трудности по дороге на Камчатку, но не обходит вниманием и те места в книге, где казаки и их начальники предстают беспощадными завоевателями — грабителями и насильниками, враждующими не только с «дикарями», но и между собой из-за раздела награбленного. В конечном счете взбунтовавшиеся казаки убили Атласова и других приказчиков, образовали казачий круг и стали править Камчаткой по-своему, собирать и делить ясак «по справедливости».

Пушкин заключает: «Так погиб камчатский Ермак!—» Очень многозначительна эта фраза с восклицательным знаком и тире в конце. Ведь тот, настоящий, Ермак погиб не от рук своих же казаков, а в честном бою с воинами сибирского хана Кучума...

Представляется, что Пушкина больше всего привлекала экономическая и нравственная сторона в описаниях Крашениникова, она питала в данном случае замысел поэта, раздумывавшего о путях цивилизации, об отношениях завоевателей и покоренных ими народов, о причинах и следствиях завоевательной политики. Вспомним например, статью Пушкина «Джон Теннер», написанную им летом 1836 года, то есть непосредственно перед началом работы над статьей о Камчатке. В недавнем прошлом часто и не без пропагандистского нажима у нас приводили цитаты из этой статьи, в которых поэт, ссылаясь на мнения «глубоких умов», резко осуждал «доныне безопасную и цветущую, сильную миром» Америку за отвратительный цинизм ее демократии, жестокие предрассудки, за бесчеловечное отношение к индейским племенам — коренным обитателям этой земли. Реже или совсем не обращалось внимание на «неизбежный закон» исторического развития, который здесь же сформулировал Пушкин: «Так или иначе, через меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации».

Через призму этого закона Пушкин рассматривает и камчатскую кампанию. «Естественное состояние» диких народов, воспетое им в молодые годы, теперь выступает без романтического ореола. Он восторгается преданиями камчадалов, их поэтическими представлениями о божествах и природных стихиях, но в выводе с научной строгостью констатирует, подчеркивая последнее слово: «О боге и душе хотя и имеют понятие, но не духовное». Замечательное повествование Джона Теннера о нравах и быте североамериканских индейцев, среди которых тот провел много лет, здесь заменяется документальным и в то же время драматическим пере-

сказом событий на Камчатке, описанных русским ученым, прожившим среди камчадалов четыре года. Там и тут действует один «неизбежный закон». А результат его действия? В «Джоне Теннере»: «Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и развевается флаг американский».

Это американская перспектива. Какой же она виделась Пушкину в российском варианте? Ответ на этот вопрос подсказывает последняя фраза рукописи: «До царствования имп. Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных». Тут, пожалуй, не только ответ, но и выражение самой сути пушкинского замысла.

Историческая и философская мысль Пушкина не вменяется ни в прошлые, ни в нынешние на-

ши рамки. Сурово он критиковал американцев за цинизм их демократии, за тиранию над индейцами, но тут же рисовал радужные картины будущего: ухоженные поля, торговые гавани, пироскафы... И в религиозности Пушкин не одиозен: в молодости веселый, озорной и даже кощунственный; в зрелые годы — философски осмысливающий место и роль религии в цивилизации. Он невысоко ставил исторические труды Н. А. Полевого, но одно место в его «Истории русского народа» выделил и похвалил. «История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир».

Не одними лишь территориальными и экономическими приобретениями измерял он заслуги землепроходцев, но главным образом внедрением духовных понятий в умы и души нецивили-

зованных народов; с помощью нравственного средства, а не огня и меча должна была исчезнуть дикость. Однако факты камчатской истории чаще не подкрепляли, а опровергали эту нравственную установку Пушкина.

В одном ряду с казаками и приказчиками, грабившими и убивавшими местных жителей, оказались и духовные лица. О сражении казаков с камчадалами и курильцами в мае 1711 года Пушкін пишет: «23-го казаки, отслужив молебен (с ними был архимандрит Мартиян от Филофея, митрополита тобольского и сибирского в 1705 году отправленный на Камчатку для проповедания слова Божия), выслали своих людей на вылазку. Сражение продолжалось до вечера. Казаки одолели, потеряв трех человек убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами. После сей победы все большееречские острожки покорились и стали ясак платить по-прежнему».

Легко улавливается в этом отрывке пушкинская ирония по поводу «сей победы» и осуждение участвовавшего в ней носителя слова Божия. Немудрено, что обращенные в христову веру местные жители переняли у русских священников их повадки.

Резонно предположить, что, готовя статью для редактируемого им журнала «Современник», Пушкин придал ей некоторую актуальность, от событий вековой давности перекидывая мосты к своему времени. На годы жизни поэта приходился период активной деятельности российско-американской кампании, осваивавшей русские владения на Аляске и в Калифорнии, то есть в тех краях, где в жестокой борьбе с индейскими племенами утверждали свое господство сограждане Джона Теннера. Века и материи перекликались друг с другом. Камчатская статья Пушкина должна была прозвучать в общественно-политическом контексте его времени не только как историко-библиографический экскурс в доелизаветинскую эпоху, но и как публицистический отклик на злобу дня.

Алексей КИСЕЛЕВ.
Доктор филологических наук.

Гонорар за эту статью прошу перечислить в фонд поддержки «Правды».

В день рождения великого поэта России в подмосковном селе Захарово, в местах, где он провел детские годы, прошел традиционный праздник. Любовь к поэту сохранила на зеленой лужайке у заповедника

тысячи его почитателей из Москвы и других городов. Звучали стихи и песни на стихи Пушкина, хоровые коллективы исполнили русские народные песни, лесногородские

школьники показывали народные игры, а умельцы предлагали гостям свои поделки. На Пушкинском празднике в Захарове несколько дней назад... Фото Юрия КОРОВИНА.